ПИНЧУК ЕВГЕНИЙ

ЧЕЛОВЕК НА ПОДМЕНУ

Евгений Пинчук
Человек на подмену

https://litres.ru/74671017
SelfPub; 2026

Аннотация

Евгению тридцать восемь. Он живёт один в Костроме, перебивается случайными заработками и каждый вечер находит причину выпить. В однокомнатной квартире копятся грязная посуда, неоплаченные квитанции и вещи бывшей девушки, которые давно пора вернуть.

Однажды ему предлагают пять тысяч за ужин. Нужно только надеть одежду умершего мужчины и выслушать его вдову. Евгений соглашается. Потом появляются другие адреса: чужие кухни, семейные обиды, разговоры, которые живые продолжают вести с мёртвыми. За несколько часов присутствия здесь платят больше, чем за день тяжёлой работы.

Но у этой работы есть подробности, о которых лучше не спрашивать. Когда одна из клиенток умирает после двух пропущенных звонков, Евгению уже есть что скрывать.

А по утрам к нему приходит четырнадцатилетний сын. Евгений помнит, как мальчик жил и как погиб. Только сына у него никогда не было.

Содержание

1 5
2 29
3 51
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Евгений Пинчук
Человек на подмену

Человек на подмену

1

Очередь начиналась у моей двери и заканчивалась на кухне. Люди стояли в зимней одежде. С подолов капало на линолеум; картон, подложенный возле порога, размок и прилип к подошвам. Никто не раздевался. Между чужими спинами я видел свои обои, угол шкафа, полотенце на гвозде. Дверь в ванную была открыта, но внутрь никто не заходил.

Мне хотелось спросить, что здесь происходит. Вместо этого я занял место за мужчиной в дублёнке. Он оглянулся и подвинулся, пропуская меня ближе к батарее. Время от времени на кухне произносили фамилию. Очередь делала шаг. Назад никто не возвращался. Я знал, что опаздываю. Не помнил куда, но опоздание уже нельзя было исправить. Нужно было только дождаться, чтобы стало известно, насколько всё плохо.

Когда дошла моя очередь, на кухне сидела женщина. Стол застелили клеёнкой, которой у меня никогда не было. На клеёнке лежали мой паспорт, телефон и ключи. Всё мокрое. Из-под паспорта расплывалось небольшое тёмное пятно.

— Кто вас заберёт?

Я назвал Марину. Женщина не подняла головы.

— Номер.

Я открыл рот. Первые три цифры помнил, остальные никак не соединялись.

— Телефон дайте, — сказал я.

— Здесь ничего вашего нет.

Я показал на ключи. На связке висел синий брелок с отколотым краем. Женщина подвинула ко мне бланк.

— Кто вас заберёт?

Сзади кто-то вздохнул. Я почувствовал ладонь между лопатками. Не толчок, пока только предупреждение. Назвал мать. Сразу вспомнил и попытался объяснить, что ошибся. Женщина зачеркнула что-то в бланке. За моей спиной начали переминаться. Я искал ещё одно имя и не находил. Людей было много. В школе, на работе, в телефоне. Нужно было только выбрать одного, который сейчас поднимет трубку.

— Подождите, — сказал я.

Меня взяли за плечо.

— Подождите.

Проснулся от собственного голоса и не сразу понял, где нахожусь. Затёкшая правая рука лежала под головой; когда я попытался её вытащить, футболка холодно отлипла от груди. В сером пятне окна пока ничего не было видно. За стеной кашлянули, по трубе прошла вода. Телефон нашёлся между матрасом и стеной. Я вытащил его за провод, обжёг глаза экраном и несколько секунд смотрел на время, не понимая, утро это или вечер.

Сейчас май. Я записываю это за тем же столом. Даты проверяю по сообщениям и переводам. С остальным хуже: иногда помню, что думал тогда, иногда — что потом рассказы-

вал. Переписки пока не удаляю.

В то февральское утро во рту было сухо и кисло. Тот вкус, от которого хочется выпить воды, хотя знаешь: после воды станет тошнить. Без двадцати девять. Слава написал в восемь ноль шесть: «К одиннадцати можешь? Разгрузка. 500 час, часа на два-три». Ответил «да» и опустил ноги на пол, наступив пяткой на что-то твёрдое. Комната медленно обретала обычный вид. На стуле лежали джинсы, поверх джинсов полотенце, под полотенцем коробка от телефона. Возле кровати стояла пустая бутылка. Ещё одна, с водой, лежала на боку. Воду я наливал ночью и не закрутил крышку как следует. На линолеуме натекло прозрачное пятно. Из-за него, наверное, и приснилось. Я вытер пол футболкой, которую снял, а футболку бросил в ванную. Она упала возле корзины с бельём. Поднимать не стал.

В зеркале на меня смотрел человек, которого хотелось оставить дома. Под бровями белела кожа. От мокрых пальцев кожа покраснела, а чешуйки никуда не делись. На стиральной машине лежали две половины тюбика. Выскреб остатки крема из той, где было горлышко, размазал по лицу. В бровях крем собрался комочками. Пришлось убирать туалетной бумагой. Тридцать восемь лет. Когда произносишь это вслух, получается ещё немного. Когда смотришь на себя утром — уже слишком много.

На счету оставалось четыреста восемнадцать рублей, хотя вчера было больше. В истории операций обнаружились сига-

реты и списание за кино. За кино было особенно обидно. Я не смотрел ничего до конца несколько недель, только выбирал. Приложение терпеливо запоминало мои недосмотренные фильмы. На каждой обложке оставалась короткая полоска, точно я всё-таки начал жить и сразу передумал. В браузере открылась женщина, которую я видел перед сном. Я закрыл её, потом ещё одну. За ними был калькулятор. Шесть тысяч за квартиру. Шестьсот интернет. Шестьсот телефон. Две тысячи за ChatGPT. Триста за кино. Девять с половиной тысяч за право сидеть дома и знать, что происходит где-то ещё. Вчера ночью я пытался прибавить еду и сигареты. На каком-то месте расчёт перестал иметь смысл, потому что платить было нечем.

Набирал воду в пустой чайник, отводя струю от кастрюли с засохшей гречкой. На остальную посуду старался не смотреть. На кухне пахло тряпкой. Тряпка висела на кране и выглядела чистой с одной стороны. Хлеб был ещё нормальный. Я отрезал два куска, посыпал солью. Пока ел, прочитал ответ, который ChatGPT дал мне ночью. Он предлагал составить список навыков. Я написал: «Я ничего не умею». Он ответил слишком быстро. Не было даже короткой паузы, в которой другой человек мог бы согласиться. На кухне я долго смотрел на хлеб. Крошки прилипали к губам. От соли хотелось пить, но чай был ещё горячий. Я отливал его в блюдце, как делала мать, когда я был маленьким, и каждый раз чувствовал себя глупо: чашка уже остыла бы, пока я переливал.

Под столом стояла картонная коробка с её посудой. Я убрал её туда после похорон, собираясь перебрать. В верхнем слое лежали маленькие чашки с золотыми ободками. На одной сохранился кусок скотча: мать отмечала трещину, чтобы не давать гостям. Гости не приходили уже тогда, но чашку она всё равно берегла. Квартиру я получил после матери. Люди иногда говорили: «Тебе повезло». Не надо снимать, это верно. Я открывал очередную квитанцию и думал, как она умудрялась платить со своей пенсии. У меня ещё не было её возраста, а уже не хватало её денег. Я открыл квитанцию. На обороте были мои расчёты. Числа написаны разными ручками, некоторые зачёркнуты с такой силой, что бумага порвалась. На кухне я всё время что-нибудь считал. В комнате обычно уже не хотелось.

Слава прислал точный адрес. Я проверил маршрут. По Советской, потом дворами; если не стоять на каждом переходе, успею пешком. Автобус туда и обратно обошёлся бы в семьдесят рублей по карте. На хлеб хватило бы. Я решил, что обратно поеду: после разгрузки ноги уже не свои. Пока убирал телефон, ещё раз посмотрел на остаток — четыреста восемнадцать. Под сообщением Славы оставалась переписка за прошлый месяц. «Сможешь?», «Ты где?», «Будешь?» Давление. Живот. Температура. Один раз температура действительно была. Я открыл то сообщение, посмотрел дату и зачем-то оставил его на экране. Однажды он попросил прислать фотографию градусника. Я написал, что градусника

нет. Он ответил смеющимся значком. Я до сих пор не знал, посмеялся он вместе со мной или надо мной. В телефонной книге Слава был записан как «Разгрузки». Другой номер — «Мусор вынос». Ещё один — «Сергей деньги». Кто такой Сергей, я уже не помнил. Возможно, я ему задолжал. Возможно, он мне. При мысли позвонить и уточнить неизменно становилось проще оставить как есть.

Нужно было уже одеваться. Свитер пах под мышками. Я посмотрел на второй, висевший на спинке стула, и надел первый. Волосы на затылке отросли, заворачивались за ворот. Я пригладил их мокрой ладонью. На плечи посыпалось белое. Умываясь второй раз, я заметил кровь возле зубной щётки. Дёсны кровили, когда чистил слишком сильно. Я провёл языком по зубам. Справа внизу один давно реагировал на холодное. В интернете можно было узнать стоимость приёма. Я знал её примерно и поэтому не открывал сайт: точность ничего бы не улучшила. На стиральной машине лежала пустая упаковка от средства для желудка. В углу ещё держалась одна таблетка. Я выдавил, положил рядом с телефоном, потом убрал в карман. На работе будет нужнее. Боль ещё не началась, но я уже распределял, в какой час смогу позволить ей пройти.

Ключи искал, уже одевшись и вспотев в куртке. Всё время тянулся к столу: во сне они лежали там. Нашлись в кармане надетых джинсов. Перед выходом проверил кран. Потрогал ручку плиты, хотя ничего не готовил. Вернулся к крану, по-

том разозлился на себя и ушёл, не глядя. На площадке пришлось остановиться: не помнил, погасил ли свет в ванной. Возвращаться из-за одной лампочки было бы совсем жалко. Я всё-таки вернулся. Свет не горел. На лестнице встретилась соседка снизу.

— Евгений, вы опять курите в квартире?

— Нет.

Ответил сразу, хотя она ещё не закончила.

— У меня в ванной пахнет. Вытяжка общая.

На ней был пуховик, а на голове шерстяная шапка, придавившая волосы к вискам. В руке ключи, пакет с пустыми бутылками из-под молока.

— Может, не от меня.

— А от кого?

Я пожал плечами. Мне действительно было всё равно, от кого у неё пахнет. У меня пахло всегда. Она посторонилась. Я спустился мимо, чувствуя, что она смотрит на затылок.

Во дворе возле мусорных баков лежала ёлка. Не свежая, новогодняя; кто-то дотерпел до февраля. На нижней ветке болтался шар, под ним в снегу темнели собачьи экскременты. Дворник посыпал дорожку песком, двигаясь от подъезда к подъезду. В местах, где песок уже успел втоптаться, снег был похож на мокрый хлеб. До разгрузки можно было дойти пешком. Оставалось сорок минут. Я пошёл быстро, потом сбавил шаг: под ложечкой начало жечь. Я вышел к Советской, потом свернул во дворы, чтобы сократить. До центра

сегодня идти не требовалось. Дорожки между домами были продавлены одним узким следом. Навстречу попалась женщина с коляской; кому-то из нас нужно было сойти в рыхлый снег. Я сошёл. Она сказала спасибо, не посмотрев. В ботинок сразу попала вода.

В одном дворе двое мужчин пытались завести машину. Один сидел за рулём, второй толкал сзади, проскальзывая подошвами по льду. Когда я проходил, тот, который толкал, оглянулся.

— Мужик, помоги чуть-чуть.

Я посмотрел на время. До работы ещё успевал.

— Спина, — сказал я и показал рукой.

Он сразу отвернулся. Не стал ни просить дальше, ни ругаться. Я прошёл мимо, чувствуя раздражение от того, как легко меня отпустили. Спина действительно болела часто. Сегодня пока не болела. Через несколько минут я мысленно уже объяснял, что рисковать здоровьем ради чужой машины было бы глупо: мне ещё зарабатывать. На остановке женщина в длинном пуховике прижимала к уху телефон. Говорила, что автобус снова не пришёл. Я подумал: хорошо, что пошёл пешком.

В кармане лежала пачка с одной сигаретой. Эту я оставил на после работы. На остановке мужчина курил под навесом. Я заметил его раньше, чем название маршрута на подъезжавшем автобусе. Мужчина выбросил сигарету, не докурив, и вошёл в среднюю дверь. Окурок лежал на сухом бетоне воз-

ле урны. Почти половина. Я прошёл мимо. Через несколько шагов вернулся, будто забыл проверить расписание. Возле остановки никого не было. Поднял окурок, покрутил в пальцах. Фильтр был немного приплюснут, на бумаге след от зуба. Не хотелось думать о чужом рте. Я прикурил и пошёл, держа сигарету низко. На перекрёстке выплюнул крошку табака. Жжение в желудке усилилось. Нога в мокром ботинке уже замёрзла. Я шёл, стараясь ставить её на носок. Окурок пах иначе, чем мои сигареты. Вкус был резче, и я пытался решить, дело в марке или в том, о чём не хотелось думать.

К складу успел вовремя, но Слава издалека меня не узнал. Посмотрел на куртку, потом на лицо. На секунду возникло желание пройти мимо, как будто я тоже мог оказаться другим человеком. Потом он кивнул, и возможность закончилась. Слава разговаривал по телефону возле грузовика. Показал мне пальцами: подожди. Я подождал. Потом подождал ещё. В кабине что-то жевал молодой парень с красными от холода ушами.

— Руслан, — сказал он, когда вышел.

Я назвал себя. Мы пожали руки. У него ладонь была тёплая, у меня влажная.

— Работал здесь?

— Нет.

— Нормально. Только коробки не переворачивай. Там стрелки.

Я видел стрелки. Пока он разговаривал, я прочитал объ-

явления на двери. Требовался сотрудник на постоянную работу. Требования были короткие: ответственность, пунктуальность, отсутствие вредных привычек. Последнее раздражало. Можно было иметь вредные привычки и нормально выполнять работу, если не ставить их рядом в одном предложении. Я сам знал людей, которые выпивали и работали годами. Про то, что эти люди вставали по будильнику, думать было неудобно. За стеклом кабинета сидела женщина в очках. Перед ней стояла кружка с крышкой, рядом обогреватель. Она что-то печатала. Я представлял, как хорошо было бы работать сидя. Потом вспоминал таблицы, звонки, необходимость понимать, что происходит на экране, и кабинет сразу переставал казаться доступным. Руслан вытер рот рукавом и спросил, не надо ли в туалет, пока не начали. Я сказал нет. Через полчаса захотелось, но прерывать работу уже было неловко. Слава закончил разговор.

— Давайте, мужики. По-быстрому. Потом ещё машина, может, будет.

Мы начали носить. Внутри пахло стиральным порошком и влажным картоном. У стены стояли упаковки туалетной бумаги, замотанные плёнкой. Руслан снимал коробки с кузова, я относил. Через полчаса вспотел. Через час заболела поясница. Я переносил вес с одной ноги на другую, стараясь не останавливаться на виду. В кузове стояли коробки в несколько рядов. На вид одинаковые, на деле одни оказались почти пустыми, другие сразу тянули руки вниз. Руслан объ-

яснил, что тяжёлые лучше ставить на край, чтобы я не тянулся. Я кивнул, будто знал. Вся работа состояла из вещей, которые легко объяснить и трудно делать несколько часов подряд. Когда мы перенесли первый ряд, из кабинета вышла женщина и попросила одну коробку отнести отдельно. На бумажке, приклеенной сверху, стояла другая фамилия. Я взял коробку, Руслан сказал, что лучше вдвоём. Мне не хотелось, чтобы он каждый раз решал, что я могу. Поднял сам. Через три шага пришлось остановиться.

— Подхвачу, — сказал он.

Подхватил без усмешки, и стало ещё противнее. Я поблагодарил, стараясь придать голосу деловой тон. Мы поставили коробку на маленькую тележку. Женщина сказала:

— Только аккуратно. Там стекло.

Внутри было моющее средство в пластиковых бутылках. Я увидел через прорезь упаковки. Не стал поправлять. Даже здесь она могла ошибаться вслух, а я должен был сначала убедиться, что мне разрешат это заметить. Руслан всё время что-нибудь рассказывал. Про комнату, которую снимал с другом. Про хозяйку, приезжавшую смотреть счётчики. Про девушку, которой не нравилось, что он после работы долго отвечает.

— Она думает, я специально. А у меня руки заняты.

Я кивнул. Он ждал, что я что-то скажу.

— Ну напиши ей заранее.

— Пишу. А потом забуду, что написал.

Он засмеялся. Я тоже. В коробке, которую я держал, что-то перекатилось.

— Не так, — сказал он. — Стрелки.

Повернул коробку по стрелкам, чувствуя, как горят щёки. Ближе к часу Руслан предложил перекурить, и Слава отпустил нас взмахом руки. Мы стояли за углом, где не дуло. На снегу лежали круглые картонные прокладки. Руслан рассказал, что ему двадцать четыре. Я назвал свой возраст, и он сказал:

— Нормально.

Как будто я сообщил результат анализа.

— Ты один живёшь? — спросил он.

— Один.

— Хорошо. Я бы тоже. У нас трое на двушку. Один постоянно играет ночью, орёт. Наушники надевает и орёт.

Я представил троих взрослых мужчин на кухне. Чужие кружки, мокрые полотенца, запах еды. Сказал, что одному действительно лучше. Руслан спросил, не знаю ли я комнату подешевле. Я не знал. Доставать телефон и искать вместе с ним не хотелось. Это был его вопрос, не мой. Он выкурил половину и начал тушить.

— Не докуришь? — спросил я.

— Потом. Перекур же не на полчаса.

Я тоже затушил, хотя ещё хотел. Оставшуюся половину незаметно убрал обратно в пачку. Он делал то же самое, но мне всё равно было стыдно, что он мог это увидеть. К по-

ловине второго всё закончилось. Другой машины не было. Слава посмотрел на часы, сказал «два с половиной» и перевёл тысячу двести пятьдесят. Я думал, округлит до трёх. Он уже убрал телефон. Спрашивать не стал. Внутри мгновенно начался спор, в котором я перечислял, сколько прождал у машины, а он отвечал голосом, которого на самом деле ещё не было. Я выигрывал этот спор, пока Слава не спросил:

— Завтра с утра сможешь, если что?

— Смогу.

— Тогда напишу.

У ворот Руслан протянул мне сигарету; свою я оставил на потом. На снегу возле колеса лежала перчатка; пальцы вмёрзли, ладонь торчала вверх. Руслан рассказывал, как хочет уехать. Я смотрел на перчатку и считал деньги. Тысяча шестьсот шестьдесят восемь. Слава вышел, закурил и присоединился к нам.

— Женя, ты вечером тоже свободный?

Я насторожился.

— Сегодня?

— Не, вообще. Там женщина спрашивала, кого можно позвать. По дому помочь. Я не вникал.

— Я ремонт не делаю.

— Да не ремонт. Сама объяснит. Номер дать?

Я сказал: давай. Он посмотрел на меня, потом затянулся.

— Лучше твой дам. Если позвонит, по-человечески поговори.

Мне не понравилось «по-человечески». Я докурил сигарету и поблагодарил. После работы зашёл в туалет торгового центра. Там никто не спрашивал, покупал ли я что-нибудь. Сидел на закрытой крышке, пока не перестало тянуть живот. Потом вымыл руки и долго сушил под горячим воздухом. Вода из мокрого ботинка ещё не высохла. Я снял его в кабинке, выжал носок над унитазом и надел обратно. Так стало не теплее, только противнее. В зеркале над раковиной лицо было красное, на виске проступило шелушение. Крем остался дома. Я намочил кожу и пригладил волосы. У стойки с салфетками стоял мужчина с маленьким мальчиком. Он держал ребёнка под мышки, чтобы тот достал до крана. Мальчик смеялся, брызгал, отец ворчал без злости. Я обошёл их, не глядя.

Когда вышел на улицу, стало темнее. Ещё не вечер, но свет уже начал уходить. В Костроме зимой это происходило незаметно: сначала казалось, что просто пасмурно, потом обнаруживалось, что у всех машин горят фары и пора домой. Если весь день провёл в квартире, можно было не успеть увидеть ничего другого. На скамье у входа сидел мужчина с пакетом из продуктового магазина. Пакет был пустой, он складывал его в маленький прямоугольник. Я узнал себя в этом движении и сразу отвернулся. У магазина пожилая женщина пыталась поставить сумку на край ступеньки. Сумка не держалась. Женщина была маленькая, в длинной шубе, застёгнутой не на ту пуговицу. Она подтягивала ручки и каждый

раз тяжело выдыхала. Я взял сумку.

— Вам куда?

Она испугалась, потом показала на соседний дом. Всего один двор. Я донёс до подъезда, она попросила поставить на скамью и начала благодарить. Перебирала в кошельке мелочь.

— Не надо, — сказал я.

— Купи хоть себе булочку.

— Да не надо, говорю.

Отказ прозвучал резче, чем я хотел. Она спрятала кошелёк. Я пошёл обратно к магазину, чувствуя, что сделал что-то хорошее и почему-то испортил. Внутри было тепло. От резкой смены температуры зачесалось лицо. Я взял корзину. Макароны, хлеб, десяток яиц. Постоял у мяса. Посмотрел на ценники, будто там можно было договориться, и пошёл дальше. В магазине хотел взять курицу. Целую покупать вроде выгоднее, но её надо было разделывать, хранить, мыть после неё доску. Небольшие упаковки стоили заметно дороже за килограмм. Я сравнил две, вернул обе. Сегодня макароны, а мясо куплю, когда будет нормальная цена. С яйцами тоже вышло не сразу. В одной коробке крайние были треснутые. Я открыл другую, проверил каждое. Рядом женщина делала то же самое. Мы молчали, осторожно поднимая крышки. Было что-то унизительное в том, как много внимания требовала покупка, которую обеспеченный человек взял бы не глядя.

Сначала потянулся к бутылке с привычной этикеткой. Ря-

дом стояла другая, дешевле. Разница казалась маленькой, пока не прибавлял к ней хлеб. Я несколько раз переставлял, затем взял дешевле. Ненавидел обе одинаково ещё до покупки. Бутылку положил сбоку. Потом прикрыл хлебом, но хлеб всё время съезжал. Тогда разозлился и поставил бутылку прямо. Все покупают. Кому какое дело. У кассы меня назвали по фамилии. Я сначала решил, что это кассир. Марина стояла через проход, возле полки с батарейками. На ней была светлая куртка. Волосы короче, чем я помнил. В руке сетка мандаринов.

— Привет, — сказала она.

Я заметил её взгляд на моей корзине. Может быть, мне показалось.

— Привет.

Она улыбнулась, и на секунду я увидел, как она сидит у меня на кухне и разрезает ножницами пакет с молоком. Тогда ножницы всегда лежали в одном ящике.

— Как ты?

— Нормально. Работаю.

— Где сейчас?

— Да по складам. Разное.

Она кивнула. Мне захотелось добавить название компании, но ни одного подходящего не вспомнилось.

— А ты?

— Всё там же. Маму в больницу возили, сейчас дома уже.

Я сказал что-то про здоровье. Нужно было спросить, что

случилось, но я думал о бутылке. Она стояла между нами, на уровне бедра, и мне казалось, Марина продолжает её видеть, даже когда смотрит в лицо. К ней подошёл мужчина с упаковкой воды.

— Эту взял, другой не было.

Марина повернулась.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня. Обычный мужчина. Примерно моего возраста, может, старше. На куртке возле молнии маленькое белое пятно, то ли краска, то ли засохшая еда.

— Женя, — сказала Марина. — Мы раньше вместе жили. Это Андрей.

Мы поздоровались. Он поставил воду в тележку и сказал, что посмотрит кофе. Мне стало неприятно, что он не остался.

— Ладно, — сказала Марина. — Рада была увидеть.

— Я тоже.

— Береги себя.

Она произнесла это без нажима. Мне всё равно захотелось спросить, что со мной не так. После встречи с Мариной некоторое время ходил между рядами без цели. Нужно было дать ей уйти. Андрей мог снова оказаться у кофе, она у кассы, и тогда пришлось бы здороваться второй раз или делать вид, что мы не видим друг друга. Я взял в руки пачку печенья и читал состав. Растительный жир, разрыхлитель. На обороте изображены люди, которые ели его за чистым сто-

лом. На кассе я купил ещё сигареты. Пакет был свой. Кассир спросила, нужна ли карта магазина. Я сказал, что есть, открыл приложение, оно начало обновляться. За спиной кто-то вздохнул. Я сразу вспомнил женщину из сна.

— Без карты, — сказал я.

Потом весь путь до дома думал, сколько мог сэкономить. Не знал точно и поэтому представлял больше, чем было на самом деле. В подъезде пахло капустой. Возле ящиков стоял мужчина из соседней квартиры, пытался вытянуть рекламную газету, зажатую дверцей. Он попросил придержать пакет. Я придержал. Он достал бумагу, посмотрел на обложку, бросил в коробку для мусора.

— Опять цены рисуют, — сказал он. — А придёшь, ничего нет.

Я согласился. Разговор мог закончиться, но он продолжил про пенсию, магазин, сына, которому на работе задерживали деньги. Я стоял с покупками и кивал. Когда он наконец взял пакет, я почувствовал облегчение, как будто получил обратно часть жизни, которую у меня на минуту отняли. Возле ящиков сосед всё-таки назвал себя. Юрий. Спросил, помню ли я его по собранию жильцов. Я на собрание не ходил, но кивнул: объяснять, что не помню людей из собственного подъезда, было неудобно.

— Там опять про крышу, — сказал он. — Подписи собирают.

Я ничего не знал про крышу. Жил ниже, вода до меня не

доходила. Юрий начал объяснять, что если не сделать сейчас, потом будет дороже всем. Он достал из папки лист. Фамилии, квартиры, цифры. Возле моего номера пустая строка. Я поправил пакет на руке.

— А это обязательно всем?

— Подписывать? Нет. Прочитай сначала.

Он повернул лист ко мне. Мелкий текст плыл под лампочкой. Я сказал, что без очков не разберу. Очков у меня не было.

— Посмотришь? — спросил Юрий.

Я держал покупки, руки устали.

— Потом.

— Я копию в ящик положу.

Он ещё говорил, что сверху течёт, что женщина на последнем этаже ставит тазы. Я представлял тазы, мокрый потолок, капли ночью. Жалость мелькнула, но вместе с ней возникло другое: хорошо, что не у меня. Юрий спросил, не могу ли я помочь перенести вещи у той женщины, если приедут рабочие. Я сказал, что по времени сложно, работа. Он предложил написать заранее. Пришлось согласиться.

— Ты номер оставь, — сказал он. — Я напишу заранее.

Я продиктовал. Он записал «Евгений, квартира» и номер. Ни имени матери, ни фамилии. В чужом телефоне от меня осталось место, где живу, и возможность позвать, когда что-то надо. Поднимаясь, думал, что люди слишком легко решают за других, сколько у них свободного времени. Потом

вспомнил перевод за разгрузку и понял, что если бы Юрий предложил оплату, время, наверное, нашлось бы.

Дома стянул мокрые носки и некоторое время разглядывал побелевшую, сморщенную кожу большого пальца. Я поставил ботинки возле батареи, потом вспомнил, что батарея почти холодная. Положил внутрь бумагу из квитанций. Самую свежую не тронул: по ней ещё нужно было платить. Выложил продукты. Яйца сразу убрал в холодильник, чтобы хотя бы они не разбились. Поставил воду для макарон. Потом налил. Первую выпил стоя, отвернувшись от окна, будто кто-то мог увидеть с улицы. После второй стало немного легче. Я всё ещё помнил Марину, но перестал видеть себя её глазами.

Открыл переписку. Последнее сообщение было полтора года назад: «Ты документы мои не находил?» Я тогда ответил «нет». На самом деле нашёл позже, в ящике под телевизором, но так и не написал. Документы были старые, неважные, какие-то справки. Наверное, она их уже восстановила. Пока вода закипала, посмотрел, не написала ли Марина. Она не должна была писать, и я это понимал. Всё равно проверил. Её фотография в профиле была сделана у воды. Не разобрать, где. Я увеличил, пытаясь увидеть, кто снимал. На стекле очков отразилось небо, больше ничего. Я вспомнил последний наш совместный поход в магазин. Она тогда положила на ленту шампунь, я спросил, зачем такой дорогой. Через несколько минут поставил рядом алкоголь. Она ничего не сказала, только посмотрела. Я заметил взгляд и устро-

ил ссору уже на улице. Заявил, что своими деньгами имею право распоряжаться сам. Мы ещё жили вместе, но деньги уже называли своими по отдельности. Теперь я не мог вспомнить, какой это был шампунь. Помнил только взгляд, из которого потом сделал множество обвинений в её адрес.

Написал Марине «Хорошо выглядишь», но отправить не решился. Вместо этого пожелал здоровья её матери. Ответ пришёл через несколько минут. «Спасибо». Холодильник загудел. На стене возле стола была маленькая вмятина. Когда-то я с силой отодвинул стул, спинка ударила по штукатурке. Марина ещё жила здесь. Я собирался заделать. Потом думал повесить картинку. Теперь вмятина стала частью стены. Пока не смотришь специально, её нет. Я ждал, что появится ещё что-нибудь. Когда вода закипела, я всыпал макароны и вернулся к телефону.

Макароны начали пахнуть. Вода выкипела почти полностью. Я снял кастрюлю, налил немного масла из бутылки, в которой оно ещё оставалось на дне, и перемешал. На столе пришлось отодвинуть квитанции. Я ел и читал новости. Где-то открыли предприятие, кому-то повысили выплаты. Под фотографией чиновника люди ругались из-за зарплат. Я поставил палец на поле комментария и долго подбирал слова, которые объяснили бы всё разом. Почему одному вода в тележке и Марина, а другому мокрые подмышки за тысячу двести пятьдесят. Я открыл ноутбук. Сайт с вакансиями помнил старые фильтры: без опыта, ежедневная опла-

та. Большая часть объявлений обещала больше, чем я видел хоть раз. Нужно было куда-то ехать, оформляться, звонить. В одном требовалось собственное авто, в другом самозанятость, в третьем аккуратность и желание развиваться. Я снял фильтр ежедневной оплаты. Появились суммы выше, но между мной и ними лежал целый месяц, который тоже требовал денег. На секунду захотелось просто выбить экран. Представил удар, треснувшее стекло, потом стоимость ремонта. Злость остановилась об эту цену. Я закрыл вкладку аккуратно, чтобы не задеть соседнюю.

Снаружи кто-то хлопнул дверью машины. Я выглянул. У подъезда стоял тот самый сосед с рекламной газетой. Теперь у него в руках был пакет из магазина. Он говорил с женщиной, жестикулировал, улыбался. Я не слышал слов и решил, что жалуется на цены. Хотелось, чтобы хотя бы он был недоволен так же, как я. Написал: «А вы сами на эти деньги поживите». Отправил. Сразу захотелось посмотреть, кто согласится. Телефон зазвонил. Незнакомый номер. Я потянулся к пульту, хотя телевизор не был включён. Видео играло в ноутбуке; остановил его и ответил.

— Евгений?

Женский голос. Немолодой.

— Да.

— Мне Вячеслав дал ваш номер. Сказал, вам можно позвонить.

Я поставил рюмку за ноутбук.

— Смотря что надо.

— Давайте я объясню. Вы сейчас можете говорить?

— Могу.

Она помолчала. В трубке послышался звук посуды.

— Нужно посидеть со мной за ужином. Несколько часов. Я заплачу пять тысяч.

Я посмотрел на экран. На видео замерла женщина, которая показывала, как отмыть духовку.

— Просто посидеть?

— Нужно будет надеть одежду моего мужа.

В квартире стало очень тихо. Даже холодильник перестал гудеть.

— А он где?

— Умер.

Я потёр бровь. На палец попал крем.

— Понятно.

Хотя понятно не было ничего.

— Завтра день рождения. Я не хочу сидеть одна. Ничего особенного от вас не потребуется. И, Евгений…

— Что?

— Только трезвым, пожалуйста.

Я посмотрел на бутылку. В ней оставалось больше половины.

— Конечно.

Она назвала адрес. Я попросил прислать сообщением.

— В семь, — сказала она. — Вас устроит?

Я согласился. После разговора сразу открыл калькулятор. Прибавил пять тысяч к остатку на карте. Вычел сигареты на завтра. Посмотрел на число. Потом снова налил, меньше обычного. Нужно было оставить на утро.

После разговора ещё долго держал телефон в руке. Хотелось кому-нибудь рассказать. Не про женщину и одежду, а про пять тысяч. Услышать, что удачно подвернулось. Похвастаться, не называя обстоятельств. Я открыл контакты, дошёл до Марины и закрыл. Потом нашёл Славу. «Звонила», — написал я. Он ответил: «Ну и хорошо». Я ждал, что спросит. Не спросил. На всякий случай написал: «Вроде договорились». Он поставил значок поднятого большого пальца.

Вечер на этом не кончился, но разговаривать уже было не с кем. Я доел макароны, поставил кастрюлю в раковину и лёг на кровать с телефоном. На экране снова появилась женщина. Некоторое время смотрел без интереса, потом всё-таки продолжил. После стало тихо и неприятно, как после разговора, в котором рассказал о себе лишнее. Перед сном поставил будильник. Не знал, на сколько: работа была только вечером, а целый день нужно было как-то прожить. Выбрал десять. Снял звук уведомлений, потом включил обратно. Вдруг Слава напишет утром, а я не услышу. На столе лежала бумажка с адресом. Я переписал его из сообщения, хотя мог просто открыть телефон. Под адресом написал «5000» и обвёл. Потом перевернул лист цифрой вниз. Не хотелось, чтобы утром первое, что увижу, было это обещание.

2

Утром деньги ещё были целы, и от этого предстоящая работа казалась не такой обязательной. Можно было отказаться, выйти завтра к Славе, потом ещё куда-нибудь. Но я уже представлял пятитысячную купюру настолько ясно, что отказаться означало потерять её. Хотел предложить приехать на час раньше, но остановился: ещё включит лишний час в уже оговорённую сумму. Вместо этого спросил, нужно ли что-то купить. Нина Андреевна ответила: «Ничего не надо, спасибо». Хорошо. До вечера хватит и того, что осталось.

На завтрак хотелось яичницу. Сковорода стояла на плите, в ней засохло масло. Протёр её бумажным полотенцем и, разбив яйцо, увидел, что на раскалённой поверхности остались чёрные крошки. Вынимать было поздно. Съел с хлебом, выбрав самые крупные. Потом сел за ноутбук проверить, нет ли новых сообщений о работе. На сайте с подработками мой отклик прочитали, но не ответили. В другом объявлении номер уже был недоступен. Я подумал, что люди сами не знают, чего хотят, и почувствовал некоторое облегчение: по крайней мере, сегодня это была не моя вина.

Открыл поиск и написал, нанимают ли люди человека вместо умершего родственника. Результаты оказались не про то. Статьи о горе, аренде знакомых, платном сопровождении, каких-то зарубежных услугах. Из каждого текста следо-

вало, что человек может привыкнуть к чему угодно, если подобрать название и объяснить условия оплаты. Я искал историю, похожую на мою, чтобы понять, сколько обычно за это берут. Не нашёл.

Тогда задал вопрос ChatGPT. Написал: «Женщина предлагает деньги за ужин в одежде умершего мужа. Это нормально?» Он начал перечислять вопросы, которые стоит уточнить. Какие ожидания, каковы границы, могу ли уйти. Читать было неприятно: каждый пункт превращал лёгкие пять тысяч в работу, которую я ещё не обдумал. Я ответил, что меня интересует, не мошенничество ли это. Собеседник предложил не передавать документы и деньги, сообщить близкому адрес встречи. На слове «близкому» я остановился. Можно было написать Марине. Но тогда пришлось бы рассказать всё, а она уже видела бутылку в корзине. Я представил, как она спрашивает, зачем мне это нужно, и закрыл окно. На бумажке с адресом дописал имя и время. Оставил на столе. Если со мной что-то случится, найдут. Кто найдёт, когда и почему вообще начнут искать, я не стал уточнять.

До душа было ещё далеко. Я прилёг, собираясь посмотреть один короткий ролик. Через полчаса не мог вспомнить первый. Люди показывали ремонты, покупки, поездки, рассказывали, как заработали, показывая ремонты, покупки и поездки. В каждой квартире, даже самой обычной, было место, куда можно поставить камеру. В моей пришлось бы сначала долго двигать вещи. Я тоже мог бы что-нибудь снимать.

Мысль была старая. Иногда представлял начало: всем привет, меня зовут Евгений. Дальше возникал вопрос, что я сообщу людям после имени. В тридцать восемь лет материала должно было накопиться достаточно. Если начинал перечислять, получалось, что большую часть я предпочёл бы скрыть.

В голове ещё держалась встреча с Мариной. Я пытался представить Андрея утром. Встал, умылся, нашёл чистые носки. Может быть, тоже пил. Может быть, у него свои долги. От этого становилось легче, но ненадолго: даже если всё так, Марина теперь жила с ним, а не со мной.

В половине первого сосед начал сверлить. Я лежал и считал секунды. Пять, семь, двенадцать. Каждая пауза обещала, что закончил, и обманывала. Я начал представлять, как поднимаюсь к нему, забираю дрель и бью ею по стене над его головой, чтобы он понял звук с моей стороны. Представление было приятным. Потом подумал, что он может оказаться крепче и просто вытолкает меня на лестницу. Или я действительно ударю, а потом придётся объясняться. Вспомнил цену ремонта стены, возможный штраф, чужие руки на моих запястьях. Лежал, пока он не закончил сам. Когда тишина наступила, я уже не чувствовал благодарности. Начал ждать следующего звука.

Вышел в магазин за водой. По дороге встретил Валентину Павловну. Она несла сумку, но не тяжёлую, судя по тому, как держала. Я поздоровался первым, чтобы не получилось, будто убегаю от вчерашнего разговора.

— Уходишь? — спросила она.

— Пока в магазин.

— На работу устроился?

— Работа есть.

Я произнёс это так, что она не стала уточнять. В магазине купил воду и маленькую шоколадку. Съел шоколадку ещё на улице. На обёртке было написано, что она подойдёт для хорошего настроения. Подумал, что производитель мог бы хотя бы раз проверить. Дома начал искать приличную футболку. На белой было пятно возле ворота. На серой растянулась горловина. Чёрная нравилась, потому что всё скрывала, кроме перхоти. Я вытряхнул её над ванной, провёл ладонью по ткани и надел. Потом снова снял, чтобы помыться.

В душ залез со второй попытки. Первый раз включил воду, сунул ладонь, решил подождать, пока нагреется, и ушёл смотреть телефон. Вода текла минут десять. Я вспомнил про счётчик, рассердился и наконец разделся. Мылся долго. Вода стекала по животу, где резинка трусов оставила красную полосу. На кафеле держалась чужая на вид чёрная точка. Я соскоблил её ногтем, потом понял, что это плесень, и стал мыть ноготь. После душа пришлось сушить волосы полотенцем, которое висело на двери. Полотенце пахло сыростью. Я долго тёр голову, чтобы убрать следы этого запаха, потом понял, что только втираю его. Смочил волосы заново. На полу собралась лужа. Вытер тем же полотенцем, повесил обратно и несколько секунд смотрел на него, понимая, что завтра за-

буду. На ногтях правой руки была заметна грязь после вчерашней работы. Я вычистил, задел кожу. Выступила кровь. Наложил кусочек бумаги. В кино мужчина собирается к женщине иначе. У него обычно есть часы, рубашка, выбор парфюма. У меня на большом пальце засыхала туалетная бумага.

За полтора часа до выхода я уже сидел одетый и старался ни к чему не прислоняться, чтобы не испачкать футболку. От этого курить хотелось ещё сильнее, хотя после душа опять пропахнуть дымом было бы глупо. Закурил у форточки, вытягивая голову в холод. Дым всё равно возвращался в комнату. Я держал сигарету снаружи, стряхивал пепел далеко и злился на соседку: из-за неё даже дома приходилось чувствовать себя виноватым. Потом вспомнил, что она сейчас вообще ни при чём.

На лестнице встретился Юрий, который вчера говорил о ценах. Он кивнул и спустился раньше меня. Я вспомнил его имя с задержкой, хотя он назвал его только вчера. Он жил через стену несколько лет. Мы знали, кто где ставит пакеты, кто в какое время приходит, у кого заедает замок. До вчерашнего разговора этого почему-то хватало. По пути к Нине Андреевне я решил, что не буду рассказывать ей о себе. Если спросит, отвечу коротко. Лучше, чтобы думала, будто у меня полно работы и сегодня я просто нашёл время.

Оставшееся до встречи время пришлось пережидать в магазине возле её дома: прошёл между рядами и, ничего не вы-

брав, направился к выходу. Охранник посмотрел на меня. Сразу захотелось взять хотя бы воду, доказать, что пришёл за покупкой. Я удержался, вышел и снова проверил время.

Домофон щёлкнул, и я вошёл. Возле лифта была доска с объявлениями. Собрание собственников, ремонт лифта, фотография потерявшегося кота. Под фотографией номер телефона отрывали полосками; одна осталась. Я представил человека, который каждое утро проверяет, оторвали ли ещё, и на секунду стало жалко. В лифте хотел вытереть ботинки о коврик, но коврика не было. На полу лежал чистый кусок линолеума. Я поднял одну ногу, посмотрел на грязную подошву и поставил обратно. Хозяйка всё равно увидит грязь. Нина Андреевна ждала на пороге. Она была выше, чем я представлял. Не старая, хотя называть молодой было бы странно. Светлые волосы собраны сзади, на шее тонкая цепочка. Тёмное домашнее платье, плотное, с поясом. Когда она повернулась закрыть дверь, я посмотрел на её ноги.

Первое, что я заметил в квартире после запаха еды, был звук часов. Негромкий, ровный. У меня часы давно остановились, и я привык смотреть время только на экране. Здесь оно шло даже тогда, когда никто на него не смотрел. В прихожей стояли две пары мужских ботинок. Одни зимние, другие лёгкие, тщательно вымытые. На носке лёгкого ботинка маленькая царапина. Я представил, как их мыли после последнего раза и поставили сушиться. Потом человек уже никуда не пошёл, а ботинки остались чистыми. Нина Андреев-

на заметила мой взгляд и закрыла дверцу шкафа.

— Здесь всё вперемешку, — сказала она.

На полке ботинки стояли носками в одну сторону. Возле них щётка на сложенной газете. Я опустил глаза на свои. В комнате на стене висела большая фотография. Мужчина в рубашке, на даче, держит в руках рыбу. Лицо красное от солнца, рот полуоткрыт, как будто он собирается сказать что-то фотографу. Я попытался увидеть сходство с собой. Не нашёл. Только короткие волосы и не очень приветливый взгляд. На комоде лежала стопка квитанций, прижатая стеклянной фигуркой. Я заметил сумму на верхней и сразу отвёл глаза. В чужой квартире интересоваться деньгами было неловко, но не интересоваться у меня не получалось. На диване лежали брюки и рубашка.

— Размер примерно ваш. Слава сказал, вы некрупный.

Я не знал, что он говорил обо мне ещё.

— Ремень в брюках. Если что, подтянете. Я на кухне.

Когда за прикрытой дверью зазвенела посуда, я наконец решился снять джинсы. Переодеваться в чужой комнате было неприятно. Казалось, сейчас кто-нибудь войдёт, а я буду стоять в трусах и объяснять, что мне разрешили. Брюки оказались свободными в поясе, но короткими. Я сел, проверил. Носки видны. Рубашка пахла шкафом и стиральным порошком. На внутренней стороне воротника сохранилась жёлтая полоска. Переодевшись, я сел на диван и попробовал расслабить плечи. Рубашка тянула между лопатками. Мужчина

на фотографии был шире, но рубашка всё равно тянула: возможно, лежала долго и ткань стала жёсткой. Я поправил манжеты. В одной пуговица держалась на длинной нитке. Нина Андреевна пришила бы за минуту. Я подумал сказать, потом решил, что это будет выглядеть претензией к выданной одежде. В зеркале на дверце шкафа я выглядел человеком, который пришёл устраиваться на работу и не знает, куда деть руки. Я позвал. Нина Андреевна остановилась в дверях. Посмотрела, не говоря ни слова. Я опустил глаза на брюки.

— Коротковаты.

— Ничего. Вы сидеть будете.

Она подошла и расстегнула верхнюю пуговицу рубашки. От её рук пахло мылом. Я увидел кожу возле ключиц и подумал, что она, наверное, ещё вполне. Потом она отступила, и мысль стала глупой, но не исчезла.

— Так он носил, — сказала она.

На кухне она сначала попросила поменять стулья местами. Один был ближе к батарее.

— Он всегда сюда, — объяснила она.

Я переставил. Внизу ножки потёрли линолеум одинаковыми дугами. Легко было понять, где сидел Виктор, даже без её слов. Нина Андреевна протёрла освободившееся место на полу, хотя там ничего не было, и убрала тряпку в раковину.

— Вилку справа или слева? — спросил я, сам не понимая зачем.

Она посмотрела на приборы.

— Как вам удобно.

Мне стало легче. Значит, не нужно помнить всё до мелочей. Она включила маленькую лампу над плитой и выключила верхний свет. На столе стало теплее, в углах темнее. Я подумал о свечах, которых не было, потом о том, что за вечер могут потребовать больше, чем я понял по телефону. Это одновременно пугало и нравилось. Нина Андреевна села и сказала, что никогда раньше так не делала.

— Я тоже, — ответил я.

Она коротко улыбнулась. Сразу стало проще смотреть на неё. В другом месте это могло бы быть обычным неловким знакомством, только на мне была рубашка человека, о котором мы собирались говорить.

— Если будет совсем… — начала она и остановилась. — Вы скажите.

Я хотел ответить, что за пять тысяч можно посидеть, но вовремя понял, что это прозвучит не как шутка. Сказал:

— Всё нормально.

Перед едой она спросила, не нужно ли открыть окно. Я боялся, что почувствовала запах сигарет, и ответил слишком быстро. Она всё равно приоткрыла форточку. Холодный воздух прошёл по щиколоткам. На кухне было накрыто на двоих. Картошка, мясо в стеклянной форме, солёные огурцы. Две рюмки. Я заметил их раньше тарелок.

— Вам нельзя, — сказала Нина Андреевна.

Я посмотрел на неё.

— Я же попросила трезвым. Мне нужно, чтобы вы понимали.

— Я понимаю.

Она налила себе немного. Моё место было спиной к окну. Возле тарелки лежала салфетка, сложенная треугольником. Я не понял, разворачивать её или положить на колени, и оставил как есть. Потом начался ужин. Я старался не брать слишком большие куски. Нож оказался острым, вилка тяжёлой. У себя ел дешёвыми приборами, купленными когда-то набором, и не думал, что разница ощущается рукой. Здесь даже предмет, которым отправляют еду в рот, лежал спокойнее. Она положила мясо, спросила, достаточно ли соли. Я сказал да, не попробовав. Это была удобная форма разговора: на любой вопрос можно отвечать, что всё хорошо, и человек будет доволен.

— Его звали Виктор.

— Хорошо.

— Вы можете не отвечать. Только иногда смотрите на меня.

Я взял вилку. Она следила, как я ем. От этого трудно было понять вкус. Картошка была горячая, с маслом. Мясо легко разделялось. Я старался есть медленнее, но всё равно закончил первым.

— Ещё положить?

— Если можно.

Она положила. Потом спросила:

— Почему ты не сказал про деньги?

Я поднял глаза. Нина Андреевна смотрела прямо на меня. Лицо почти не изменилось, но голос стал другим, ниже.

— Я же всё равно узнала. Можно было самому сказать.

Я перестал жевать.

— Не отвечайте, — добавила она обычным голосом. — Просто слушайте.

Потом снова посмотрела на меня и продолжила. Речь шла о каком-то счёте, о сыне Виктора от первого брака, о даче. Я пытался следить, но путался. У людей с деньгами было столько способов их друг от друга прятать, что приходилось помнить ещё и названия мест, где они лежали. За окном кто-то чистил машину. По стеклу кухни скользнул свет фар. Нина Андреевна говорила, что всегда считала их жизнь общей, а потом выяснилось, что общими были только покупки в магазине. Я подумал о пяти тысячах. Если бы она дала сейчас, можно было бы не слушать дальше так внимательно. Но деньги оставались в будущем, и я кивал.

— Ты даже ей сказал раньше, чем мне, — произнесла она.

Мне показалось, что ждёт ответа.

— Может, боялся, — сказал я.

Она замолчала. Я пожалел, что открыл рот.

— Чего?

— Ну… разговора.

Нина Андреевна поджала губы. Впервые за вечер я увидел, как она сердится.

— Он ничего не боялся. В этом и дело.

— Извините.

Она отодвинула тарелку. Я смотрел на кусок мяса у себя на вилке и не знал, можно ли его доесть. Через некоторое время она сама заговорила о больнице. Здесь я слушал лучше: слова стали понятнее. Как он не хотел ехать. Как ругался из-за тапочек. Как попросил принести зарядку, а через день она уже была не нужна. Она заплакала тихо, без закрытого руками лица. Я опустил вилку. Внутри не произошло ничего особенного. Мне было неловко и хотелось, чтобы она перестала. Я посмотрел на салфетницу, подвинул её ближе. Она взяла салфетку.

— Спасибо.

Я кивнул, стараясь выглядеть так, будто сделал больше, чем подвинул пластмассовую вещь на двадцать сантиметров. Когда Нина Андреевна перешла на «ты», мне сначала захотелось поправить. Мы ведь не договаривались, что она будет говорить со мной так. Потом вспомнил, зачем пришёл. Она смотрела не на меня целиком, а на отдельные части: рука возле тарелки, ворот рубашки, затылок, когда я поворачивался к окну. Как будто из совпавших деталей можно было собрать всё остальное. Мне стало интересно, что именно она видит вместо моего лица. Я посмотрел на неё, стараясь сидеть неподвижно. Некоторое время это даже удавалось. Потом захотелось почесать голову. Терпел, пока зуд не стал единственным, о чём мог думать. Когда она отвернулась

к плите, быстро провёл пальцами по затылку и посмотрел на плечо. Чисто. Я снова начал слушать.

Она рассказывала о даче. О том, как муж заставлял ехать туда в дождь, потому что «уже договорились». О диване, который они покупали вместе и который он потом называл неудобным. О женщине с работы, чьё имя произнесла один раз, а дальше только «она». Истории выходили мелкими, почти скучными. Я ожидал чего-то большого: последней тайны, страшного признания. Она вспоминала сломанный кран и поездку за обоями. Постепенно понял, что именно это и нужно было кому-то рассказать. Но от понимания интереснее не становилось. Я смотрел на её рот и думал, что для своих лет она хорошо выглядит. Думал, был ли у них секс в последние годы. Потом ловил себя на этом и старался выглядеть внимательнее. Нина Андреевна говорила, что Виктор любил спорить о вещах, которые его не касались. Мог час обсуждать по телевизору чужие решения, потом забывал вынести мусор. Мне захотелось вступиться за него. Не потому, что знал. Просто описание было знакомым.

— Все устают, — сказал я.

Она подняла глаза.

— Вы его защищаете?

— Нет. Так, вообще.

— Вообще не надо.

После этого я решил говорить только тогда, когда спрашивают прямо. Она долго держала ладонь возле своей рюм-

ки и не пила. Моя оставалась пустой. Я смотрел на неё краем глаза, как смотрят на хлеб, когда ещё не предложили. В какой-то момент Нина Андреевна убрала её со стола. Мне стало обидно за жест, хотя я сам обещал прийти трезвым. Во время паузы она спросила:

— Вам не холодно?

Я сказал, что нет. На самом деле холодно было ногам. Чужие брюки не закрывали щиколотки, а носки тонкие. Она закрыла форточку и проверила, не тянет ли от рамы. Я смотрел, как она прижимает ладонь к щели, и думал, что за мной давно никто не проверял окна. Хотелось принять это за что-то личное. Было бы приятно. Чай она заваривала в отдельном чайнике, сначала обдав кипятком. Я следил за движениями. Они занимали время, но ей было не жалко. Она не торопилась убрать заварку из ситечка, протёрла край чашки, нашла вторую ложку. Дома я часто пил из той же кружки весь день и узнавал вчерашний чай по запаху.

— С сахаром?

— Две.

Она положила одну ложку, потом остановилась и добавила вторую. Я заметил. Она тоже заметила, что я заметил.

— Он одну клал, — сказала она.

Я кивнул. Помешал чай, попробовал. Две ложки были в самый раз. Нина Андреевна всё ещё смотрела на чашку.

— Вам тоже добавить? — спросил я.

— Нет. Мне нельзя.

Она отодвинула сахарницу и спросила, работаю ли я где-то постоянно. Я сказал, что пока нет. Спросила, есть ли семья. Я ответил: нет.

— Совсем никого?

— Почему никого. Родственники есть.

Был двоюродный брат, с которым мы переписывались на Новый год. Я вспомнил о нём только сейчас.

— Вам сколько?

— Тридцать восемь.

— Совсем молодой.

Мне захотелось спросить, что она имеет в виду. Вместо этого я улыбнулся. Она отвела глаза. Я сразу подумал, что, может быть, всё-таки. Живёт одна, сама позвала. Разговоры про мужа могут быть способом не чувствовать вины. Я видел достаточно видео, чтобы любой поворот казался возможным, и недостаточно настоящих людей, чтобы понимать, насколько редко они так живут.

— Мама?

— Умерла.

— Давно?

Я назвал срок. Нина Андреевна опустила глаза.

— Понимаю.

Я не был уверен, что понимает. Мне и самому было трудно понять, что именно чувствую, когда называю срок. В основном пустоту возле фразы, которую полагается сказать дальше. Я допил чай, хотя он был слишком горячим. Нина Ан-

дреевна достала альбом. Не тот, что на телефоне, настоящий, тяжёлый, с прозрачными листами. Поставила между нами и сразу повернула так, чтобы я видел лучше. В первом ряду была свадьба. Она молодая, волосы высоко убраны, Виктор в костюме, который был ему тесен даже тогда.

— Здесь ещё мама его жива, — сказала она, показывая женщину сбоку.

Я кивнул. Не знал, что делать с этим сообщением. Люди на старых фотографиях почти всегда оказывались живы только на фотографиях. Но для неё была разница, кто тогда ещё стоял рядом и кого уже не было. Она рассказала про ресторан. Как не хватило салатов, как один родственник приехал поздно, как испортили музыку. Говорила с раздражением, в котором чувствовалась нежность. Я смотрел на её молодое лицо и пытался представить ту же женщину сейчас, снимающую кофту в комнате. Эта мысль возникала сама, и я возвращал взгляд на альбом, пока она не успевала заметить. На одной фотографии Виктор стоял с маленьким мальчиком. Нина Андреевна перелистнула быстрее. Я спросил, сын ли это.

— Да. Кирилл.

Не сказала «наш». Я заметил. Сейчас это почти ничего не значило, но потом из таких мелочей складывались чужие семьи, в которых приходилось сидеть.

— Он взрослый уже, — добавила она. — Свои дела.

— Приезжает?

Нина Андреевна посмотрела на меня.

— Когда нужно, приезжает.

— Понятно, — сказал я.

Она вернулась на предыдущую страницу. Я подтянул чашку поближе и чуть не поставил на край альбома. Она ещё некоторое время держала палец на краю страницы, потом сказала:

— Кирилл хороший. Вы не подумайте.

Я ничего про Кирилла подумать не успел, кроме того, что он не приезжает. Теперь приходилось делать вид, будто исправляю первое впечатление.

— Взрослый же. Работа.

— Ну да.

Она закрыла альбом, но оставила ладонь сверху.

— Он не мой сын. Викторов. Мы уже потом сошлись.

Я кивнул. Эту разницу я уже заметил.

— Вы ладили?

Она посмотрела на меня. Я опять перешёл границу вопросом, но на этот раз она ответила.

— По-разному. Он маленький был. Ему хотелось, чтобы отец жил с матерью. Кому бы не хотелось.

Я представил мальчика за этим столом. Нина Андреевна моложе, Виктор моложе, все вещи ещё не приобрели особого значения. Люди просто не могут договориться, кому куда поставить чашку.

— Сначала он меня по имени называл. Потом опять на

«вы». Смотря как с Виктором поссорится.

Она чуть улыбнулась.

— Я и сама не подарок.

Мне понравилось это признание. Я придвинул чашку.

— Никто не подарок, — сказал я.

Она посмотрела на меня без улыбки. Я взял печенье, которого не хотел.

— Он на похоронах всё сделал, — сказала она. — Сам. Я тогда ничего не соображала.

Я спросил, давно ли умер Виктор. Нина Андреевна назвала месяц. Я начал считать про себя, сколько прошло, и потерял счёт на её следующей фразе. Она встала, налила ещё чаю. Я смотрел на руку возле чайника, на кольцо. Подумал, снимает ли она его на ночь. Не потому, что интересовало кольцо. В комнате было тепло. После еды хотелось лечь на диван. Она ушла за чайником, и я представил, как остаюсь здесь до утра. Не в гостях. Можно снять чужую рубашку, оставить носки возле кровати. Потом она вернулась, и я выпрямился.

— У вас уютно, — сказал я.

— Обычная квартира.

Она оглянулась, будто впервые увидела стену. Мне показалось, что сейчас попросит заметить какой-нибудь ремонт, картину. Но она просто выключила лишний свет в коридоре. Я не помог убрать посуду. На блюдце оставалось печенье, я взял последнее. Крошки посыпались на брюки. Собрал ладонью и сидел с зажатым кулаком. Вернувшись с кухни, Ни-

на Андреевна заметила это, принесла салфетку и спросила, положить ли ещё печенья.

— Нет, спасибо.

Она унесла пустое блюдце. Я сунул скомканную салфетку в карман. Мы снова открыли альбом. Виктор на другой странице держал рыбу, размер которой подчёркивал вытянутыми руками. Нина Андреевна засмеялась.

— Вот. Здесь всех замучил. Ехали домой, она уже пахнет, а он всё говорит, надо сфотографировать.

Я тоже засмеялся. Мёртвый мужчина на секунду перестал быть соперником, которому даже после смерти принадлежал этот дом. Оказался просто человеком, принёсшим в машину рыбу. Мне стало легче. Я мог сидеть в его рубашке, если не требовалось всю дорогу уважать её как святыню. Потом показала дачу. Грядки, недостроенная баня, стол под деревом. У стола стояли пластиковые стулья, на одном сидел Виктор с голым животом. Я подумал, как странно: человек может выглядеть смешно на снимке, а после смерти всё равно приходится говорить о нём осторожно.

— Он хотел всё сам, — сказала Нина Андреевна. — А потом звал людей, чтобы переделывали.

Я засмеялся. Она тоже, но сразу перестала, как будто смех оказался лишним. Я снова стал серьёзным. Нужно было всё время ловить, на сколько секунд разрешено определённое лицо. Она закрыла альбом и не убрала. На обложке остался след от влажного пальца. Некоторое время мы смотрели на

него оба. Мне захотелось узнать время, но телефон лежал в комнате. Спрашивать было невежливо. Я посмотрел на часы над дверью, стараясь сделать это незаметно. Нина Андреевна заметила.

— Уже скоро, — сказала она.

— Я не тороплюсь.

Это прозвучало автоматически. Я торопился домой, к бутылке и свободе не следить за лицом, но ещё больше хотел, чтобы она думала, будто не тороплюсь. Она спросила, не хочу ли взять немного еды с собой. Я сразу захотел, но ответил: не надо. Она повторила, я согласился. Пока упаковывала, чувствовал, что со мной обращаются как с нуждающимся, хотя это был ужин, за который я ещё и деньги получу. Нина Андреевна нашла контейнер с синей крышкой. Положила картошку, мясо, ещё кусок, закрыла. Сказала, что контейнер возвращать не обязательно. Я поблагодарил и решил вернуть, чтобы не думала, будто я тот человек, которому нужны чужие коробочки.

В коридоре, уже переодетый, стоял с контейнером в руках и не знал, куда его поставить, пока обуваюсь. Она взяла подержать. Так она на несколько секунд стала похожа на женщину, которая провожает мужчину из дома и складывает ему еду на работу. Мы оба молчали. Возможно, только я видел эту сцену таким образом. Она протянула пять тысяч одной купюрой. Я взял. Посмотрел на свет машинально и сразу почувствовал, что сделал некрасиво.

— Спасибо, — сказал я.

— Это вам спасибо.

У двери она попросила никому не рассказывать.

— Даже Славе. Он знает только, что мне помощь нужна.

Я согласился.

— Если я ещё позвоню…

— Позвоните.

— Вам не тяжело?

Я подумал, что за два с небольшим часа заработал больше, чем за день на разгрузке. Поел. Посидел в тепле.

— Нормально, — сказал я.

Получив купюру, я сразу почувствовал, что вечер кончился. До этого всё ещё нужно было смотреть, отвечать, ждать. Теперь можно было думать о своём. Я пожалел, что она не заплатила в начале. Тогда пришлось бы всё это время следить, не передумает ли попросить обратно. На лестничной площадке запах квартиры ещё оставался на руках. Снял перчатку, понюхал пальцы и подумал о её шее. Потом о муже, который умер недавно. Стыдно не стало. Только немного неловко перед самим собой за то, как быстро всё превращается в желание. Контейнер оттягивал пакет. В магазине я держал его осторожно, боясь открыть крышку. Пятитысячная лежала отдельно от мелочи. Пока кассир рассматривала купюру, мне стало неприятно: как будто подозревают, что я не мог заработать такую сам.

Дома разогрел часть картошки. Съел стоя, потом налил. В

рубашке Виктора было тесно, в своей футболке снова удобно. Я сел перед ноутбуком, открыл видео и не стал смотреть. Всё время возвращался мыслями в кухню с часами. Написал Нине Андреевне: «Спасибо за еду, очень вкусно». Она ответила: «На здоровье. И спасибо вам». Эту фразу я прочитал несколько раз. Деньги мне уже дали, но похвала почему-то была нужна отдельно. Я поставил телефон рядом с бутылкой. Нина Андреевна больше не писала. Я стал смотреть, давно ли она была в сети, и сердился на себя за это занятие.

Перед сном пересчитал деньги. Отложил часть на коммуналку. Утром переложил обратно в кошелёк: оплатить можно и вечером. Если деньги останутся отдельной стопкой, всё время кажется, что их уже нет. Контейнер помыл через день. Крышку не сразу удалось отмыть от жира. Я тёр губкой, потом оставил отмокать. К пятнице контейнер был чистый и стоял на подоконнике. Не выбросил, не отнёс. Иногда смотрел на него и вспоминал, что может быть ещё один ужин.

3

Сына я увидел в воскресенье. До этого было три дня, которые плохо отделялись друг от друга. Нина Андреевна позвонила в четверг и пригласила на субботу. Я согласился. В пятницу Слава предложил разгрузку, я тоже согласился и не пришёл. Проснулся, когда телефон уже перестал звонить. Написал, что давление. Он ответил: «Понял». Это было хуже ругани. Ругань давала возможность обидеться.

В субботу я доехал до Нины Андреевны, но она не впустила. Открыла дверь, посмотрела и сказала:

— Вы же обещали.

Я попытался улыбнуться. Она закрыла дверь не сразу, и эти несколько секунд я всё ещё надеялся, что передумает. Дома у меня оставалось немного денег, но ехать обратно голодным было особенно обидно. Я купил готовый салат и бутылку, половину салата съел возле магазина пластмассовой вилкой.

Вечером написал Нине Андреевне извинение. Потом ещё одно. На третьем сообщении она ответила: «Пожалуйста, больше сегодня не пишите».

В воскресенье свет из окна был такой белый, что я решил: выпал свежий снег. Потом понял, что смотрю на стену, а окно у меня за спиной. Во рту стоял металлический вкус. Простыня была мокрой возле шеи. Сердце билось быстро, каж-

дое движение отдавалось толчком в животе. Я хотел повернуться и не мог решить, на какую сторону будет легче.

На стуле сидел Миша. Не на том, где лежала одежда. На втором, который обычно стоял у стола. Он придвинул его к кровати и сидел, положив локти на колени. В тёмной толстовке, в носках, с длинными ступнями, которые в этом возрасте растут быстрее всего остального.

Закрыл глаза и подождал: пока не смотрю, он должен исчезнуть. Но Миша остался на стуле и даже не переменил позы.

— Ты чего? — спросил я.

Слова вышли шёпотом. Миша пожал плечами. Я знал, что ему четырнадцать. Знал, где он ходит в школу, хотя сейчас не мог вспомнить номер. Знал, что мы поссорились. Эти сведения не приходилось доставать из памяти: они просто стояли рядом со всем остальным, как кухня рядом с комнатой. И ещё я знал, что он умер. От этой мысли живот свело так, что пришлось согнуться. Я закашлялся. Миша отвернулся к окну.

— Воды дай.

Он не двинулся.

— Миш.

— Сам возьми.

Я попытался сесть. В голове что-то поплыло. На подоконнике лежал его телефон, экраном вниз. Я узнал чехол и сразу почувствовал вину. Обещал новый на день рождения, а

потом сказал, что этот ещё нормальный. Зачем я это сказал? Можно было хотя бы не обещать.

— Ты давно здесь?

Он провёл ногтем по обивке стула. Из манжеты тёмной толстовки торчала светлая нитка. Миша наматывал её на палец, стягивал ногтями два узелка, один возле другого.

— Тебе плохо?

— Нормально.

Сказал сыну то же, что вчера женщине у двери. Я смотрел на его уши, на тонкую шею, на волосы, примятые с одной стороны. В нём всё было знакомым и в то же время таким, чего я не замечал, пока он был жив. Хотел спросить, больно ли было. Вместо этого сказал:

— Ты ел?

Миша посмотрел на меня.

— А есть что?

В холодильнике, кажется, оставались сосиски, если только я не оставил на полке пустую плёнку. Я поднимался ночью, точно поднимался, но зачем — не помнил.

— Сейчас сделаю.

— Не надо.

Он сказал это без злости. Подростковая усталость, такая обидная взрослому: тебе ещё не дали закончить, а уже знают, чем всё обернётся.

— Я хотел тебе позвонить, — сказал я.

Миша молчал.

— Тогда. Я собирался. Просто…

Я не мог вспомнить, что произошло. Был вечер, телефон, я не ответил. Потом были люди, которые смотрели так, будто я должен сам догадаться. Я помнил своё горе гораздо отчётливее самого события. Как стыдно было выйти в магазин. Как невозможно было произнести слово «сын», потому что сразу спрашивали, сколько лет.

— Я не знал, — сказал я.

Миша поднял голову.

— Ты всегда так говоришь.

Я заплакал. Сначала только потекло из глаз, потом задрожал подбородок. Спрятаться было некуда. Я отвернулся к стене, где проступило тёмное пятно от подушки. Хотелось, чтобы Миша положил руку на спину. Хотелось проверить, тёплая ли. За стеной заработала дрель. Я дёрнулся и сел. Стул был пустой. На подоконнике лежала моя зажигалка. Я ещё долго сидел, прислушиваясь к кухне. Дрель выключили. По батарее несколько раз стукнули. Во дворе сработала сигнализация. Я встал. Дошёл до ванной, держась за дверной косяк. Умылся, выпил воды из сложенной ладони. В зеркале лицо казалось чужим, распухшим под глазами. Я сказал вслух:

— Миша.

Это ничего не изменило. Вернулся в комнату. Посмотрел фотографии в телефоне. Никакой последовательности, только листал. Еда, скриншоты, собственное лицо, объявле-

ния, чужие картинки. Детей не было. Открыл переписку с Мариной. Долго смотрел на последнее «спасибо» и пытался вспомнить её беременной. Не получалось. Помнил, как она спрашивала, будем ли мы когда-нибудь жить нормально. Я ответил, что сначала надо разобраться с работой. Она сказала: «Ты всё время сначала». Разговор был, ребёнка не было. Мы предохранялись. Я даже гордился этим: хотя бы здесь веду себя ответственно.

Я сел на кровать. Сына у меня не было. Произнёс это вслух. Подождал. Ещё раз. Мне стало холодно, хотя лоб был мокрый. На сиденье белела короткая нитка с двумя узелками. Я взял её, попробовал развязать один. Он только затянулся. Такая могла оторваться и от моей одежды. Я ведь смотрел на стул ещё ночью. Может, заметил тогда. Под ниткой обивка была холодная. Я посмотрел на дверь. Замок был закрыт изнутри.

В телефоне набрал вопрос и не отправил. Стер. Написал иначе: «Может ли после алкоголя казаться, что у тебя есть воспоминания, которых нет?» Ответ заставил отложить телефон. Слова про необходимость помощи были слишком прямыми. Я хотел объяснение, которое позволит остаться дома. Несколько часов лежал, не включая ничего. Боялся уснуть. Потом задремал и проснулся от уведомления. Нина Андреевна написала: «Надеюсь, вы в порядке. Больше так нельзя». Я ответил, что всё нормально. К вечеру появилось желание есть. Я сварил яйца, пересолил, съел оба. Постепен-

но комната снова стала комнатой. На месте мальчика теперь можно было представить только мальчика. Это уже было легче. Я решил, что больше не буду пить несколько дней подряд.

В понедельник я встал раньше будильника. Не от бодрости: просто больше не мог лежать. Простыня казалась грязной, подушка пахла потом, а если переворачивался лицом к комнате, видел стул. На нём уже лежала одежда, но это не помогало. Нужно было выйти и несколько часов смотреть на вещи, которые не принадлежали мне. На кухне запустил стирку. Когда вода зашумела в машине, стало немного спокойнее. От шума можно было ждать только того, что известно заранее. Я посмотрел на оставшееся время. Почти два часа. Столько же потребовалось, чтобы заработать тысячу на разгрузке. А здесь просто сиди, пока крутится. Попытался позавтракать. Хлеб плохо проходил. Приходилось запивать, а от воды сразу начинало подташнивать. Я оставил половину, открыл окно. На улице у мусорных баков стояла машина, двое рабочих опрокидывали контейнер. Один рассказывал что-то второму и смеялся. Было невозможно понять, как люди способны смеяться так рано.

Телефон лежал передо мной. Я несколько раз перечитал вчерашний вопрос про воспоминания. Собеседник спрашивал, один ли я сейчас. Сообщение казалось слишком человеческим, и от этого раздражало. Я не ответил. Не хотелось, чтобы в переписке осталось ещё одно место, где некому прийти. Потом написал: «Сегодня уже лучше». Это было не

совсем так. Лучше стало телу, но квартира ещё хранила то, чего в ней не было. Мне хотелось восстановить вчерашнее утро по минутам, найти переход. Вот я лежу, вот открываю глаза, вот вижу. Где именно обычное стало невозможным? Никакого шва не находилось. Всё выглядело непрерывно, как воспоминание о магазине или работе.

В ящике под телевизором лежали старые фотографии. Я достал. Бумажные снимки почему-то казались надёжнее телефона. На одном был я в школьной форме, на другом мать у какого-то куста, на третьем отец, которого помнил плохо. Детей моего возраста там было много. Ребёнка, которого я называл сыном, не было. Я рассматривал лица двоюродных братьев, соседских мальчишек, одноклассников. Может, мозг взял кого-нибудь из них и подставил. Хотелось найти похожего. Это позволило бы считать дело закрытым. Чем дольше смотрел, тем менее знакомыми становились все сразу. Одна фотография прилипла к другой. Я потянул, угол надорвался. На обороте проступила мамина запись: год, место, фамилии. Она знала, что нужно подписывать, иначе забудется. Я ничего не подписывал. Теперь не мог вспомнить даже, где мы стоим. В детстве мне казалось, что взрослые точно знают, какая жизнь у них была. Мать могла назвать год покупки холодильника. Отец помнил, когда поменяли окна. Я в тридцать восемь не всегда помнил, чем закончил прошлый четверг. Некоторые месяцы состояли из повторявшихся комнат, и переставить их местами было бы легко.

Фотографии убрал обратно. Оставил одну, где был сам лет в четырнадцать. Нос длиннее, чем хотелось, волосы стоят дыбом. Повернул к окну. Сходство было или мне хотелось его найти. Я убрал и эту. Стирала машина. Вода уносила грязь по трубе, и это была единственная перемена, которую сегодня можно было проверить. К обеду пошёл за молоком. Хотел не столько купить, сколько выйти с понятной целью. На лестнице заметил след от собачьей лапы в засохшей грязи. Всё было обычным и оттого немного успокаивало. На улице пришлось обойти лужу. Я специально смотрел под ноги, чтобы не смотреть в лица подростков возле магазина. Возле холодильника с заморозкой увидел Антона Серова. Он стоял у холодильника с пельменями и держал телефон плечом, освобождая руки. Я узнал его по голосу. В школе у него был такой же нетерпеливый голос, только выше.

— Пинчук?

Я сделал вид, что только сейчас заметил. Мы пожали руки. Антон успел обрасти животом и бородой, в которой возле подбородка проступала седина. На лбу остался тонкий шрам. В восьмом классе мы играли в футбол возле школы, он налетел на торчащий край ограды. Я помнил кровь на его спортивной кофте и почему-то то, как завуч заставила нас вымыть мяч. Антон в отделе замороженных продуктов сначала говорил со мной так, будто мы виделись недавно. Это было удобно. Не понадобилось пересказывать десять лет, прежде чем спросить, где работаешь. Но после первых

фраз выяснилось, что за эти годы у него накопились мастерская, ребёнок, кредит, работник, который уехал к родителям и не вернулся. У меня получилось только «пока разное». Он рассказывал про мастерскую без гордости. Там текло с потолка, хозяин помещения обещал починить. Я почему-то обрадовался протечке. Сразу перестал представлять его жизнь такой ровной.

— А помнишь Лебедеву? — спросил он.

Я не вспомнил, какую.

— Математичка. Вечно говорила: вы потом ко мне придёте и спасибо скажете.

Я вспомнил. Она наказывала нас оставаться после уроков и решать примеры, которые мы уже решили неправильно. Антон засмеялся.

— Хотел бы прийти. Сказать: спасибо, Тамара Николаевна, умею теперь считать, сколько должен банку.

Я тоже засмеялся. Впервые за несколько дней это получилось сразу, без усилия. Мы постояли между холодильниками, вспоминая школу. Он помнил людей по именам, я чаще по тому, что со мной делали или чего мне не дали. Мы словно учились в разных классах, которые случайно занимали одну комнату. Про дочь он сказал мельком: тринадцать, с матерью спорит, со мной пока разговаривает. Я почувствовал, как сжало живот. Спросил, учится ли она здесь. Он назвал школу. Число ничего не вызвало. Вчера я был уверен, что знаю школу Миши, хотя и тогда не мог вспомнить номер.

Антон вспомнил ещё одного одноклассника. Тот умер осенью. Я не сразу узнал фамилию. Потом вспомнил мальчика за третьей партой, который всё время одалживал ручки и возвращал без колпачка.

— Сорок не было, — сказал Антон.

Мне было тридцать восемь. Число вдруг перестало быть возрастом, стало расстоянием до чужого конца, которое нельзя измерить точно. Я спросил, отчего. Антон ответил неуверенно: что-то с сердцем, долго не обращался. Ничего определённого. Я тут же почувствовал грудь. До этого не болела. Теперь боль нашлась, слабая, достаточная, чтобы испортить разговор.

— Ты на встречу класса ходил? — спросил он.

Я не знал, что была встреча.

— Нет.

— Да я тоже не смог. Фотки прислали. Все такие взрослые.

Мы улыбнулись. Слово было точное и неприятное. Я выглядел взрослым, но не чувствовал, что умею то, что за этим полагается. У других появились дети, работа, собственные истории, про которые можно рассказать за столом. Я думал, какие вопросы придётся обходить, если всё-таки позовут.

— Ты где сейчас?

Я сказал про подработки.

— Руками что-нибудь умеешь?

— Не особо.

— У меня мастерская. Стиралки, холодильники. Иногда нужно помочь занести, вынести. Мастер сам возится, одному неудобно. Если хочешь, дам номер.

Он говорил без жалости.

— А платишь как?

Антон назвал условия. Не богато, но выходило чаще, чем у Славы. Я прикинул. Нужны были подъёмы, звонки, адреса. Самое неприятное: люди будут ждать, а если не придёшь, заметят.

— Давай попробуем, — сказал я.

Он записал номер.

— Ты же не пьёшь сейчас?

Я усмехнулся.

— В смысле?

— В прямом. Мне с похмелья не надо. Технику уронишь — клиенту объяснять мне.

Внутри сразу стало тесно.

— Нормально всё.

— Ладно. Завтра к девяти можешь?

Я мог. По крайней мере, в магазине это казалось возможным. Он ушёл с пельменями, а я остался возле молока. Рассматривал упаковки, пока не вспомнил, что именно за ним пришёл. На выходе обнаружил в корзине ещё сигареты, которые взял автоматически.

Дома телефон с его номером лежал на столе. Я записал «Антон школа». Потом изменил на «Антон работа». Слово

«работа» казалось обещанием, которое лучше видеть каждый раз, когда он звонит. Вечером выстирал носки отдельно, потому что бельё из машинки уже развесил и не хотел запускать снова. Вода в тазу стала серая. Я смотрел, как она стекает, и впервые за день не думал о стуле. Просто отжимал носки, по одному, ровно укладывал на батарею.

Дома нашёл группу класса. Раньше вышел из неё, потому что слишком много писали. Теперь пришлось искать через знакомое имя. На фотографии сидели люди в кафе. Лица располнели, причёски изменились, несколько человек я не узнал. Они улыбались так, будто хорошо знали, кто рядом. Я увеличивал снимок по частям. У кого часы, у кого кольцо, кто похудел, кто выглядит хуже. Поймал себя на том, что ищу именно тех, кто хуже. Когда находил, становилось легче. Антон на фотографии отсутствовал. У него была работа, из-за которой не приехал. У меня могла быть только причина, почему не захотел.

В группе нашёл сообщение обо мне: кто-то спрашивал, есть ли контакт Пинчука. Ответили, что не знают. Я посмотрел на дату. Давно. Некоторое время хотелось написать: «Вот он я». Потом представил, как сообщение повиснет между поздравлением с праздником и чужой шуткой, и закрыл. Они могли бы написать ещё раз. Хотя бы спросить, почему не пришёл. Я вернулся к началу переписки, нашёл старое приглашение. Под ним стояло моё: «Посмотрим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.